

Говорят, деньги меняют людей, и Шэнь Цзинцин сам в этом убедился. Теперь он уже не тот юноша, что ежедневно карабкался в горы, чтобы наскрести на аренду лавки.

Завершив переговоры с управляющим Фу, он заглянул в тканевую лавку «Юньша Гэ» и заказал обновки себе и брату. Шесть ляней серебра ушли в одночасье, и он даже глазом не моргнул.

Линь Юй, вечно равнодушный к нарядам, остался ждать у повозки вместе с дядюшкой Чжаном, предоставив выбор Шэнь Цзинцину. Но Шэнь Цзинцин, заметив, что охотник изо дня в день носит одну и ту же пару одежды, твёрдо решил купить ему новый халат — коричневый, с круглым воротом и узкими рукавами. В конце концов, Линь Юй оказал ему столько помощи, разве не справедливо отблагодарить его?

Заодно он прикупил дымчато-голубой халат для дядюшки Линя и попросил дядюшку Чжана передать его по пути. Так ещё шесть ляней растворились в карманах торговцев.

Всё это было лишь мелкими бытовыми хлопотами. Закупившись, Шэнь Цзинцин и Линь Юй устроились в повозке и неспешно покатали обратно в деревню. По дороге Шэнь Цзинцин и представить не мог, что дома его ждёт куда более «радостный» сюрприз.

.....

Прибыв в деревню, дядюшка Чжан свернул на свою улицу, а Шэнь Цзинцин и Линь Юй, чьи дома стояли в самом конце селения, пошли дальше пешком. Путь предстоял неблизкий.

Не прошло и нескольких шагов, как им на пути попала тетушка Ли. И не просто попала, а принесла с собой ошеломляющую новость.

— Ой-ой-ой, да это же Цин-гэр! — Тётушка Ли округлила глаза, в которых тут же заплясали искорки любопытства. — К тебе уже сваты пришли, а ты всё ещё с этим парнем шатаешься?

— Что ты сказала?

— Что?!

Линь Юй опередил Шэнь Цзинцина, его голос прозвучал резко и напряжённо.

Какие ещё сваты? О каком браке идёт речь, если ему самому никто ни слова не сказал? Шэнь Цзинцин пребывал в полном недоумении.

— Идём, — кратко бросил Линь Юй. — Не бойся. Я с тобой.

Шэнь Цзинцин прекрасно понял: охотник предлагает пойти вместе, чтобы разобраться в ситуации и, если что, прикрыть его спину.

Он плотно сжал губы.

— Идём.

«Чёрт возьми, он обязательно выяснит, кто пытается подставить его под удар! Кто до такого додумался — нанять сваху, не предупредив самого жениха, и требовать свадьбы прямо с порога?»

Тётушка Ли, видя, как они стремительно удаляются, лишь усмехнулась и поспешила следом. Грех упускать такое зрелище. Ещё минуту назад она думала, что представление окончено: ведь брат Шэнь Цзинцина уже захлопнул дверь перед носом у свахи, нанятой старой ведьмой из клана Линь.

Когда они подошли к дому, тётка Линь и сваха по фамилии Ван всё ещё орали во всю глотку у ворот. Обе дамы отличались скверным нравом. Соседи, привлечённые шумом, уже собрались небольшой группой. Несколько сердобольных женщин попытались их урезонить: мол, хозяйева явно против, ну неужто силу заставишь в любви? Но тётка Линь и сваха Ван только огрызались, отшучиваясь или споря. Как говорится, наглость — второе счастье.

Шэнь Цзиньхуа больше не мог терпеть этот цирк. Схватив метлу, он резко распахнул дверь и взмахнул ею, словно отгоняя назойливых мух. Сваха Ван едва успела отскочить, чтобы не принять на себя клуб пыли, и завизжала тонким, пронзительным голосом:

— Да что это такое?! Ты смеешь так со мной разговаривать?! Стоит мне слово молвить, и ни один человек в округе не захочет брать твоего брата!

Кровь бросилась Шэнь Цзиньхуа в лицо, и вся учёная сдержанность испарилась:

— Вон отсюда! Не смейте пачкать мой порог!

Тётка Линь демонстративно сплюнула прямо на землю:

— Тьфу! Я тебе хоть и дальняя родня, но всё же старшая в семье! Так ты с гостями разговариваешь? И это после того, как сдал экзамены на сюцая?! Твоему придурковатому братцу уже без году неделя девятнадцать, а он всё ещё на руках висит. Только наша семья, по доброте душевной, решила посвататься. А то пришлось бы вам самим приданое набивать, чтобы хоть кто-то взял!

На лбу Шэнь Цзиньхуа вздулись вены. Он изо всех сил сдерживал желание ударить. Обвинение в непочтении к старшим в их мире могло похоронить репутацию. Старуха мастерски извращала

факты, наступая ровно на те мозоли, которые болели сильнее всего.

Шэнь Цзинцин усмехнулся от злости, быстро подошёл и демонстративно сплюнул несколько раз прямо перед ногами старухи, тем самым останавливая брата. Брезгливо, но без прямого контакта.

— Тётка Линь, видимо, возраст взял своё, память подводит, — язвительно заметил Шэнь Цзинцин. — Вы, кажется, перепутали дома. Во-первых, я никогда не видел вашего внука. Во-вторых, наши карты судьбы не сверялись. И в-третьих, вы не удосужились заранее переговорить с моим братом. Являться без предупреждения и требовать свадьбы - это, простите, не по правилам.

Соседи переглянулись и захихикали:

— Да какой там сверяет! Её внучок с малых лет в игорных притонах пропадает, родная мать его по пальцам на руке не пересчитает! Куда уж тут про карты судьбы говорить...

— В здоровом уме ни одна приличная семья не станет связываться с таким родством.

Тётушка Ли, запыхавшись, как раз подроспела к этому моменту и тут же подхватила:

— Вот и я про то, Цин-гэр! Лучше и не показывайся ей! Старая карга, ты бы хоть справки навела: в десяти деревнях вокруг никто не пожелает выйти за её драгоценного внука!

— Ли Цзюань! Ты, дрянь бессовестная, язык придержи! — взвизгнула тётка Линь.

Между ними давно тянулась вражда из-за куска земли, и тётушка Ли, натура прямая, ничуть не испугалась:

— Знаешь своего внука лучше всех! Хватит позориться на всю деревню!

Морщинистое лицо старухи исказилось от злости:

— Ах ты, сплетница! Я сегодня же приведу этого Цин-гэра в дом, и все увидите!

Линь Юй больше не мог слушать эту балаганную возню. Он сделал шаг вперёд, встав между старухой и домом, и глухо бросил:

— Вон.

Тётка Линь и без того была сухощава и желчна, а годы согнули её спину. Линь Юй же

возвышался над ней на добрых две головы. От накатившей волны подавляющей силы старуха онемела, слова застряли в горле. Едва она попыталась открыть рот, сваха Ван, побелевшая от страха, схватила её за рукав и поспешно потащила прочь.

Сватам пришлось несолоно хлебавши ретироваться. Сваха Ван ещё долго шла, прижимая руку к груди: сердце колотилось так, будто хотело вырваться. На мгновение ей показалось, что этот охотник действительно готов её убить.

Шэнь Цзинцин взглянул на стоящего рядом Линь Юя и мысленно усмехнулся: порой грубая сила и впрямь действеннее любых увещаний.

Зрители, тоже испугавшись сурового вида охотника, поняли, что шоу окончено, и постепенно разошлись по своим делам.

Перед уходом тётушка Ли ещё успела схватить Шэнь Цзинцина за руку:

— Ох, да кто не знает, чего этой старой карге на самом деле надо!

Но, заметив одинаково мрачные лица Шэнь Цзиньхуа и Линь Юя, она поспешно сменила тон:

— Ну... просто хочет, чтобы братец твой статус имел... ха-ха... Ладно, я пошла, дела ждут, обед варить надо!

И, семеня мелкими шажками, она быстро скрылась за углом.

— Брат, брат Линь, зайдём, поговорим, — позвал Шэнь Цзинцин.

Шэнь Цзиньхуа переступил порог и тяжело опустился на скамью в передней комнате.

— Подумать только, до чего же дошла эта старая ведьма из клана Линь, — пробормотал он, проводя ладонью по лицу. — Цзинцин, прости меня. Это я во всём виноват.

— Брат, что ты такое говоришь? — Шэнь Цзинцин мягко, но твёрдо остановил его. — Ты ничем передо мной не провинился. Не взваливай на себя то, что к тебе не относится.

— Тётка Линь славится своим скверным нравом на всю округу, — добавил Линь Юй. — Вам не за что себя винить, брат Шэнь.

Шэнь Цзиньхуа тяжело вздохнул, налил чай гостю и брату:

— Спасибо тебе, брат Линь, что не оставил нас в беде.

Нынешние указы, принуждающие гэров и девушек к браку, действительно не давали покоя. Даже исправная уплата штрафов не спасала от пересудов. Шэнь Цзинцину вот-вот исполнится девятнадцать. А после этого рубежа, пока он не найдёт супруга, чиновники из управы будут приходить с проверками ежегодно. Шэнь Цзиньхуа боялся, что подобные визиты свах станут лишь началом.

Понимая, что братьям нужно поговорить начистоту, Линь Юй допил чай и вежливо откланялся, оставив их наедине.

Шэнь Цзинцин обхватил пальцами край пиалы и тихо спросил:

— Брат, как ты смотришь на всё это?

Шэнь Цзиньхуа решил, что младший напуган:

— Сяо Доу, не волнуйся. Я не боюсь этих сплетен, и тебе не стоит. Пускай судачат...

Шэнь Цзинцин, не отрывая взгляда от остывшего чая в пиале, которую недавно держал Линь Юй, мягко прервал его:

— Брат...

— Брат, ты правда считаешь, что это не имеет значения?

Голос его звучал на удивление ровно.

У Шэнь Цзиньхуа снова заняла голова:

— Конечно, не имеет. Я всё понимаю.

Шэнь Цзинцин опустил ресницы, продолжая смотреть на тёмную поверхность чая:

— На самом деле имеет. И мы оба это знаем.

Общественное мнение порой давит тяжелее горы. А если перед лицом правил у тебя нет ни связей, ни силы, то попытки просто отмахнуться от них сродни тому, как богомол пытается остановить мчащуюся повозку. Если он и брат продолжат гнуть свою линию, впереди их ждёт лишь бесконечная череда проблем.

Разумеется, он мог бы просто отмахнуться от всех правил. В конце концов, он брат Шэнь Цзиньхуа. И пусть даже он всю жизнь будет прикидываться недалёким, старший всё равно

укроет его от любых невзгод.

Но что тогда станет с самим Шэнь Цзиньхуа? На чьём плече будет лежать его собственное будущее?

— Брат, ты действительно больше не планируешь попробовать свои силы в экзаменах?

— Разумеется, нет. Я уже принял твёрдое решение...

Но сколь бы твёрдо ни звучал его голос, Шэнь Цзинцин безошибочно уловил в нём глухую ноту несбывшихся надежд:

— А я хочу, чтобы ты взмыл ввысь. Чтобы ты вырвался отсюда.

Тон его оставался невозмутимым:

— Если ты откажешься от своего пути, кто тогда поможет старику Линю, что сломал ногу? Кто позаботится о сироте Шэнь? А Лю Юэ? А все те, кому ты даёшь шанс выбраться из нищеты?

— В мире и без меня полно людей, которые... — Шэнь Цзиньхуа осёкся на полуслове. Внезапно он ощутил, как земля уходит из-под ног, а всё накопленное напряжение вытекает прочь, оставляя лишь тяжёлую пустоту.

Он понимал: младший говорит правду. А что, если именно его усилия кому-то необходимы? Что, если без него чья-то судьба рухнет?

И даже если отбросить всё остальное... что насчёт его собственных мечтаний? Его юношеских стремлений, которые он когда-то так бережно вынашивал?

Шэнь Цзинцин посмотрел на брата предельно серьёзно:

— Брат, я не позволю тебе принести себя в жертву ради меня. Я не хочу, чтобы ты хоронил себя заживо. У тебя свой путь, свои горизонты. Я не стану той клеткой, что закроет над тобой небо.

Шэнь Цзиньхуа тихо рассмеялся. Звук получился горьким и обрывистым. По щеке скользнула одинокая слеза. — До чего же всё прогнило... — прошептал он с усмешкой. — Неужели в этом мире брат лишается будущего лишь потому, что его младший не хочет вступать в брак?

По законам империи, если гэр не найдёт супруга до девятнадцати лет, его старший брат, решивший продолжить учёбу и сдавать экзамены, мгновенно станет объектом яростных

нападок со стороны других учёных мужей. Ярлык «пренебрегающий императорскими указами» будет прилеплен к нему без разбирательств, похоронив любые карьерные надежды.

— Речь всего лишь о брачном союзе. — Легко и беззаботно улыбнулся Шэнь Цзинцин — Кто сказал, что это обязательно означает каторгу на всю жизнь?

Шэнь Цзиньхуа всё же был человеком незаурядным. Услышав столь смелые, почти крамольные слова, он вдруг поймал нить:

— Ты хочешь сказать...?

Он проследил за взглядом младшего, который всё это время был прикован к пустой скамье, где ещё недавно сидел Линь Юй. И вдруг его осенило.

Шэнь Цзинцин позволил себе едва заметную улыбку:

— Именно. Я говорю о Линь Юе.

Имя Линь Юя было окутано мрачной славой. По округе ходили слухи, что он свиреп, груб и необуздан. Он жил в одиночестве в ветхой лачуге у подножия Задней горы — места, которое местные считали нечистым и опасным. Бедный, суровый на вид, со шрамом на лице... Ни одна девушка и ни один гэр в радиусе десяти деревень не осмелились бы связать с ним жизнь, да и желания такого ни у кого не возникало.

Однако за время их недавних встреч Шэнь Цзинцин успел разглядеть за этой суровой оболочкой совершенно иного человека: честного, надёжного и обладающего горячим сердцем. У него и без того созрел план делового партнёрства с охотником. А что может быть крепче союза, скреплённого официальной брачной грамотой?

Он спокойно изложил свою задумку брату.

Шэнь Цзиньхуа надолго замолчал, обдумывая услышанное.

— Этот Линь Юй... действительно человек прямодушный. И надёжный. Ему можно доверять.

И всё же где-то в глубине души у него не отпускало смутное, тревожное чувство. Что-то в этой идее казалось ему... странным. Слишком уж гладко.

<http://bllate.org/book/17180/1621353>